

**ФЕНОМЕН РЕВНОСТИ В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ
КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КАТЕГОРИИ**

Елена П. Карзенкова

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия*

Key words: communicative speech category, linguistic categories, psychological categories, epistolary genre, love discourse.

Summary: The article deals with the concept of the communicative speech category *love* and jealousy phenomenon. Sources of the concept are traced back to the works by M.Bakhtin and some modern researchers. The peculiarities of the jealousy phenomenon are analyzed using the material of the texts of epistolary genre: in particular A.S.Pushkin, F.M.Dostoevsky and V.V.Mayakovsky's correspondence. The jealousy is represented in the sense structure of love letters in various forms: in the form of direct declarations of jealousy, in the form of references to others' opinions as real and imaginary causes for jealousy, in the form of descriptions of dreams, etc. In addition, the fragments of letters illustrating answers to jealousy and excuses are also analyzed.

Антропоцентрический подход в исследованиях, который начал вступать в свои права с появлением философии (и эстетики) экзистенциализма, приобрел в конце XX – начале XXI вв. особую значимость и в лингвистике. Антропоцентризм в языкознании предполагает наличие ряда принципов исследования, сформулированных Е.С. Кубряковой: экспансионизм (появление новых объектов для исследования, новых позиций при решении традиционных проблем, привлечение данных других наук), экспланаторность (стремление объяснить, а не только описать факты языка), функционализм (изучение языка в действии, в процессе выполнения им тех или иных функций) (Кубрякова 1994; Кубрякова 1995). Внимание исследователей, таким образом, переключилось с «социального подхода к человеку на личностный и с отношений между субъектом и объектом на межсубъектный взаимодействие, основывающееся на семиотических началах» (Арутюнова, 1999: 647). Изучение дискурса близких взаимоотношений лежит как раз в русле указанного направления, включающего в объект лингвистики самого человека как пользователя и создателя речи.

Понятие **коммуникативно-речевая категория** как «потенциальная система коммуникативных средств, используемых при создании текста в какой-либо типовой ситуации речевого взаимодействия» (Карзенкова, 2011: 89) является для нас исследовательским ориентиром в понимании дискурса близких взаимоотношений. Типовая ситуация речевого взаимодействия понимается нами в духе М.М.Бахтина, который считал «методологически обоснованным следующий порядок изучения языка: 1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи с взаимодействием, элементами которого они являются; 3) пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» (Бахтин, 1993: 105).

Речь в какой-либо типовой ситуации понимается как действие (Каган, 1974; Кожина, 2010; Мишланов, Салимовский, 2006; Парыгин, 1999), поскольку «называя... кого-либо *болваном*, говорящий ничего не описывает, а действует» вполне определённым образом (Мишланов, Салимовский, 2006: 65). Заметим, кроме того, что прежде чем начать действовать, т.е. вступить в какие-либо отношения (будь то любовь или вражда), коммуникантам необходимо воспринять друг друга, сблизиться друг с другом, «допустить друг друга в свой ближний круг» и создать общность «мы» [об этом см.: (Салимовский, 2003; Карзенкова, 2005; 2006)].

В связи с экспликацией понятия коммуникативно-речевой категории необходимо упомянуть и то, что отчасти в его определении мы опираемся на работы И.А. Стернина и К.М. Шилихиной (Стернин, Шилихина, 2001), а также на речеведческую теорию М.Н. Кожиной (Кожина, 1983 и др.). И.А. Стернин относит к коммуникативным категориям «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие в сознании народа и отдельного человека знания об общении и нормах его осуществления» (Стернин, 2000; 2003), включая в это понятие (1) специальные знания, представления о коммуникации и (2) предписания по осуществлению коммуникативных действий (в том числе речевых) (Стернин, 2000; Стернин, Шилихина, 2001). Указанные авторы приводят ряд конкретных категорий, которые могут быть отнесены к коммуникативным, анализируют некоторые из них и предлагают модель описания коммуникативных категорий, включающую анализ рефлексивного, духовного и бытийного уровней.

Рефлексивный уровень. Рефлексивный уровень той или иной коммуникативно-речевой категории предполагает анализ её структуры как элемента концептосферы, а также её связей с другими категориями

(Стернин, Шилихина, 2001). Рефлексивный уровень связан с представлениями; а в нашем случае – с представлениями о любви и о ревности. Дискурс близких взаимоотношений, как представляется, характеризуется коммуникативно-речевыми категориями различной направленности: и конъюнктивной (объединяющей), и дизъюнктивной (разъединяющей) (Андреева, 2008; Карзенкова, 2009). (Принципиально важно, что мы говорим не об отрицательной или положительной направленности потому как, когда мы говорим об эмоциях и чувствах, не нужно быть категоричным.) К категориям конъюнктивной направленности можно было бы отнести симпатию, любовь и дружбу, а к дизъюнктивным категориям – вражду (с её составляющими: ненавистью, завистью, ревностью и под.), если б не одно «но» – ревность. Ибо она является такого рода феноменом, который оказывается способен к объединению конъюнктивного и дизъюнктивного эмоциональных полюсов (и соответственно – коммуникативно-речевых категорий). В связи с этим важно упомянуть о существенных «внутренних нюансах» феномена самой любви: любовных переживаниях и любовных отношениях. «Любовные переживания всегда сопряжены с эмоциями радости и интереса», а в любовных отношениях, напротив, «может быть задействован весь спектр эмоций» (Изард, 2002: 424). При этом прочность и длительность любовных отношений зависит от степени «заинтересованности любящих людей друг в друге», от «гордости за достижения друг друга», а также от «радости совместного бытия» (там же). Ревность, являясь частью дизъюнктивного спектра любовных отношений, явно не вписывается в «кодекс прочности» любви, разве что может быть показателем заинтересованности в партнёре. Ревность придаёт самой любви оттенок враждебности, разрушая не только того, кого ревнуют, но и того, кто ревнует, а также сами любовные отношения. И если бы влюблённые не были уверены, что ревность – одна из «ипостасей» любви, то отношения разрушались бы ещё чаще, чем это происходит в реальной жизни.

Несомненно, особое положение среди чувств, эмоций, отношений дизъюнктивного спектра, в которые оказывается «погружена речь» занимает «ревность, проявляемая во взаимоотношениях между полами» (Ильин, 2007: 346), как один из аспектов коммуникативно-речевой категории **любовь**. «В ревности страстная любовь уживается со жгучей ненавистью» (Рубинштейн, 2006: 511), а переживается ревность особенно остро, порой даже острее, чем сама любовь (Ильин, 2007: 346), ср.: *Как сон, неотступный и грозный, // Мне снится*

соперник счастливый.// И тайно и злобно кипящая ревность пылает,// И тайно и злобно оружия ищет рука... (Н.В. Кукольник).

Ревность может настолько ослеплять, что заслоняет любовь. Любовь становится вторичной, когда «желанный объект может оказать сопротивление нашим желаниям или оспариваться у нас кем-либо, – так возникают досада, ревность», гнев, разочарование, печаль и др. (Прадин, 2008: 169). Мотивом для «ревнивых отношений» служит тот факт, «что кто-то любит не нас, а другого (или делает вид, чтоб раззадорить и помучить партнёра)» (Ильин, 2007: 346). Однако в стремлении вызвать ревность «для раззадоривания» бывает трудно соблюсти меру, а представления о ревности, как о якобы необходимом атрибуте любви, по мнению исследователей чувств и обычных «практиков любви», признаются весьма сомнительными. Ибо, как считает Э. Фромм, самозабвенное помешательство друг на друге вовсе не является доказательством силы любви, а лишь свидетельствует о безмерности предшествовавшего ей одиночества (Фромм, 1995). Проявления ревности, таким образом, определённо могут сказать о заинтересованности ревнивца в прочности связи и/или о его «собственническом рефлексе» (*а и не доставайся же ты никому!*).

Основными чувствами, сопровождающими (составляющими) ревность и переживаемыми в связи с ревностью, выступают фундаментальные эмоции страха и гнева: страха потери ценных взаимоотношений и чувства безопасности, которое дарит любовь; гнева за (на) то, что ревнивцу (ревнивице) предпочли другого (Изард, 2002: 422). При этом подтверждённый повод для ревности вовсе не обязателен, ибо мотивировано это чувство чаще не внешним поводом, а именно «внутренним»: всё теми же эмоциями страха и гнева. Вне зависимости от того, есть повод или нет, ревнующий страшится потери и гневается даже на потенциальную или воображаемую возможность измены (*Всё ясно ревности – а доказательств нет!* – М.Ю. Лермонтов).

Согласно представлениям Б. Спинозы: «Если кто воображает, что любимый им предмет находится с кем-либо другим в такой же или ещё более тесной связи..., чем та, благодаря которой он владел им один, то им овладевает ненависть к любимому им предмету и зависть к этому другому» (Спиноза, 2008: 51). Б. Спиноза называет ревностью соединение любви, ненависти и зависти (там же), к нему присоединяются и современные исследователи (Изард, 2002; Ильин, 2007 и др.). Ненависть или зависть могут и не проявляться внешне, в виде враждебного поведения: «предмет-субъект» зависти или ненависти может и не догадываться об истинных чувствах уже

враждующего с ним. Затем, в реальной ситуации ревности, любовь не только перестаёт быть конъюнктивным чувством, но и утрачивает одно из своих важнейших свойств – интимность («тайну двоих»), ибо ревность притягивает в любовные отношения других людей, не только третьего (к кому ревнуют), но и тех, кто оказывается свидетелем сцен ревности (Ильин, 2007).

Итак, ревность есть соединение любви, ненависти, зависти, страха и гнева, однако если исключить любовь, то теряется всякий смысл ревности. Поэтому любовь можно признать главным поводом для ревности и основной (первичной) коммуникативно-речевой категорией, а ревность – нюансом любви, её вторичной составляющей, т.е. субкатегорией.

Духовный уровень. Духовный аспект коммуникативно-речевой категории – это изучение её значимости для духовного мира человека, духовной культуры народа или человечества, принадлежность категории к национальным и/или общечеловеческим ценностям (Стернин, Шилихина, 2001: 35–37).

Особая духовная значимость любви для человека, отдельного народа и человечества в целом не вызывает сомнений. А ревность чаще выступает разрушительницей любви, чем её созидательницей. Поэтому ревность можно признать, скорее, антиценностью, дизъюнктивной составляющей любви, разрушающей внутреннюю гармонию индивида и любовные отношения. Однако описание этого феномена представляется необходимым в свете особой значимости познания чувственной составляющей сознания человека. Кроме того, «есть основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьёзной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития» (Лоренц, 2008: 409). Ревностью – феномен дискурса враждебности, связанного с агрессивным поведением. Изучение и объяснение феноменов такого рода, а в частности, дизъюнктивных аспектов коммуникативно-речевых категорий и ревности как «теневого стороны» любви приобретает дополнительный смысл для исследователя, представляя собой духовный (ценностный) аспект коммуникативно-речевой категории **любовь**.

Бытийный уровень. Трудно спорить с тем, что «ревность», как и любое другое внутреннее переживание человека, «язык трактует своими специфическими средствами и способами, описание и классификация которых составляет особую и весьма сложную задачу» (Юшкова, 2001). Бытийный аспект изучения коммуникативно-речевых феноменов (категорий и субкатегорий) предполагает анализ

коммуникативной ситуации не с установкой, «как надо», а с точки зрения функционирования категории, т.е. «как делается на самом деле» (Стернин, Шилихина, 2001). Вслед за Н.Д. Арутюновой попытаемся определить «личность человека через апелляцию к значению: ‘Я есть то, что я говорю’» (Арутюнова, 1999: 647), т.е. квалифицируем: является ли то, что говорит (пишет) индивид, свидетельством «погружения его речи» в конкретную ситуацию речевого взаимодействия, в ситуацию ревности, и принадлежат ли те или иные фрагменты любовной переписки дискурсу ревности.

Когда речь заходит о дискурсе близких взаимоотношениях, о чувствах индивида, степень интимности такова, что не может не встать вопрос о выборе материала. «В качестве источника для исследования могут послужить художественные тексты, которые в какой-то степени можно признать «нестественными», ведь автор «сочиняет» чувства и образно описывает своё мнение о них» (Карзенкова, 2005: 184). Как лингвисту найти материал для анализа чувственной составляющей языка? Как найти «естественный» текст, отвечающий, по крайней мере, двум требованиям: (1) требованию безусловной дискурсивной принадлежности к сфере любовных отношений и (2) требованию доступности для анализа? Прояснить, как ревность обнаруживается на бытийном уровне, нам помогут опубликованные личные письма. Материалом для анализа послужила опубликованная переписка А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, В.В. Маяковского (см.: Достоевский, 1976; Пушкин, 2005; Янгфельдт, 1991)).

Коммуниканты, находясь «на расстоянии письма», могут быть, как представляется, особенно склонны к ревности, ведь любимого нет рядом, поэтому автоматически срабатывают такие механизмы восприятия, как идентификация и стереотипизация, искажающие реальную картину любовных отношений, мешающие адекватно ощущать «пульс взаимоотношений» (о механизмах восприятия см.: Петровский, Ярошевский, 2001: 256–257). Ревнивец может уподоблять партнёра себе самому (идентифицировать его с собой), а так как у самого может быть *рыльце в пушку*, то и партнёр воспринимается как *изменищик коварный*. Кроме того, в социуме весьма распространён и такой стереотип, как: *сердце красавицы склонно к измене и к перемене* – что также влияет на восприятие и мотивы. В жанре любовного письма можно обнаружить различные коммуникативно-речевые знаки субкатегории ревности как «подозрительного отношения человека к объекту обожания, связанного с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности» (Ильин, 2007: 345). Согласно Ю.С. Степанову,

необходимая для анализа и понимания «минимальная длина текста практической речи – одно предложение» (Степанов, 2009: 47). Тексты, приведённые нами, именно минимальны, и ревность в них «различима». Ср. напр.: прямые сообщения-признания (*Милый мой, я очень ревнива!* – А.Г. Достоевская) или открытые призывы: не давать повода для ревности (*мой ангел... не выходите замуж за г-на Давыдова* – А.С. Пушкин; *Не изменяй!!! Я ужасно боюсь этого* – Л.Ю. Брик) и под.

Прямым выражением ревности выступают и открытые описания ситуаций, провоцирующих ревность, напр.: (ситуации реальной) *Когда я начала читать о 40-летней даме (но которой кажется 25), у меня заньло сердце. Но потом была рада, что Ты её выбрал* (А.Г. Достоевская); (ситуации «нашёптанной») *<...> к Оксане ты в мое отсутствие приставал так же, как и ко всем остальным женщинам (она сама мне сказала)* (Л.Ю. Брик); *<...> а то меня уверяют, что ты страшно влюблён и обязательно женишься* (Л.Ю. Брик); (или даже воображаемой) *Это, конечно, пустяк, но мне известны со всеми подробностями все твои лирические делишки* (Л.Ю. Брик) и под.

Анализируя многие источники, Е.П. Ильин пишет о том, что ревность обусловлена «страхом... в связи с реальным или воображаемым соперником» (Ильин, 2007: 345). Сделаем акцент и на «сопернике воображаемом»: ревность часто бывает и беспочвенной, основанной на домыслах, фантазиях ревнивца (ревницы), мнениях и оценках неких третьих лиц (но тут может действовать психологический закон: *кто чего боится, то с ним и случится...*). Иные ревницы прислушиваются к любой информации о предмете страсти, верят любым слухам (сведениям «с чужих слов»), не задумываясь об их правдивости, ср.: *Отец продолжает писать мне, что свадьба расстроилась* (А.С. Пушкин); *на днях он мне, может быть, сообщит, что вы вышли замуж* (А.С. Пушкин); *она сама мне сказала; ты в моё отсутствие приставал* (Л.Ю. Брик) и под.

Чувство ревности может никогда не покидать индивида, преследовать даже во сне. Ср., напр., описание сна, в котором ревнует кто-то воображаемый, а вовсе не адресант, ср.: *Ты мне сегодня всю ночь снился, что ты живешь с какой-то женщиной, а она тебя ужасно ревнует, и ты боишься ей про меня рассказать* (Л.Ю. Брик). При этом весьма показательной является приписка (ссылка на нездоровье), которую можно признать сомнением в реальности повода для ревности, ср.: *Если б не жар – не написала бы* (Л.Ю. Брик). Это

сделано будто специально, на тот случай, если повод для ревности окажется мнимым: *‘мол, прости, жар был у меня’...*

Далее приведём тексты «оправдательные», т.е. написанные в ответ на проявления ревности. В отличие от «обвинительных» (исключая, конечно, описание сна) – они более пространны. Памятуя о ревности любимой женщины, опасаясь гнева и желая успокоить её, но одновременно и слегка подтрунивая над ревнивицей, над своими страхами и стараясь хоть чуточку «развлечь» адресата, ревнуемый может писать, как, напр., В.В. Маяковский: *Не бываю нигде. От женщин отсаживаюсь стула на четыре – не надыхали б чего вредного.* Но поможет ли это? Как показывает «практика ревности», вряд ли! *Твоя кошечка* снова будет ревновать и видеть «ревнивые» сны, будет ли найден для этого повод, или повода вовсе не будет. Так, в частности, обстоит дело в письмах Л.Ю. Брик к В.В. Маяковскому.

Что только ни придумывает ревнуемый! И оправдывается: *Итак, вы видите (если только вы соблаговолите мне поверить), что моё пребывание здесь вынужденное, что я не живу у княгини Голицыной, хотя посетил её однажды* (А.С. Пушкин). И документирует: *Так как вы, по-видимому, не расположены верить мне на слово, посылаю два документа о своём вынужденном заточении* (А.С. Пушкин). И пишет весьма неуважительно (если не сказать: оскорбительно) об объекте, к которому ревнуют: *Как вы могли подумать, что я застрял в Нижнем из-за этой проклятой кн. Голицыной? Знаете ли вы кн. Голицыну? Она одна толста, как всё ваше семейство, вместе взятое, включая и меня* (А.С. Пушкин). Однако А.С. Пушкин даже в пылу защиты от ревности не забывает присоединить себя к семейству ревнивицы, чтоб *на театре ревнивых действий* быть с ней *по одну сторону баррикад, в одном лагере, ср.: всё ваше семейство, вместе взятое, включая и меня* (выделено мной – Е.К.).

Ревность к объекту романтической (эротической) любви занимает особое место (Изард, 2002; Ильин, 2007; Маслоу, 2008 и др.), находясь на грани между ненавистью и любовью. Чтобы самому быть верным любимому (потерять желание изменять даже в мыслях) или чтобы расстаться с ревностью, индивиду необходимы жизненный опыт и зрелость души. Определённо могут быть верными своему партнёру и преодолеть ревность в отношении любимого только самодостаточные индивиды с очень устойчивой психикой или (в терминах А. Маслоу) самоактуализирующиеся люди (Маслоу, 2008: 214, 217, 219). При этом следует заметить, что такие индивиды «не нуждаются друг в друге в общепринятом смысле этого слова, подобно обычным любовникам;

они могут быть чрезвычайно близки, но при необходимости расстанутся без... ущерба для себя» (там же: 220). Самоактуализирующиеся люди могут наслаждаться общением друг с другом и одновременно быть готовыми «философски принять длительную разлуку» (там же). В любви у самоактуализирующихся людей есть главное: принятие партнёра таким, какой он есть; однако у них отсутствует стремление владеть им безраздельно. Несмотря на «головокружительные любовные переживания», самоактуализирующиеся люди и в разлуке с любимым «остаются собой, продолжают жить по своим законам» (там же). Но пока личность «не выросла» до самоактуализирующейся, пока душа не созрела, индивид ревнует, завидует и ненавидит гораздо чаще, чем любит. Пусть же будет так: *Напрасно измену // Мне ревность гадает, – // Не верю, не верю! // Коварным наветам! // Я счастлив! Ты снова моя* (Н.В. Кукольник)!

Итак, в смысловой структуре любовных писем феномен ревности представлен в форме прямых признаний в ревности; просьб не давать поводов для ревности, сообщений о реальных и мнимых «подлавливаниях» на измене, основанных нередко на слухах, а также описаний «ревнивых» снов и др. Кроме того, в письмах-ответах на ревность содержатся разнообразные оправдательные интенции как показатели желания смягчить удары ревности, «умалить» поводы для неё и др. При этом используются тактики принижения достоинств того, к кому ревнуют, отрицания «наличия какого бы то ни было повода» для ревности, присоединения к «лагерю ревнивицы», шутки и др.

Литература:

- Андреева, Галина М. 2008. *Социальная психология*. Москва: Аспект Пресс. 368 с.
- Арутюнова, Нина Д. 1999. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры. 896 с.
- Бахтин, Михаил М. 1993. *Под маской: Маска третья*. В: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Москва.
- Достоевский, Федор М.; Достоевская, Анна Г. 1976. *Переписка*. Ленинград: Художественная литература. 483 с.
- Изард, Кэррол Э. 2002. *Психология эмоций*. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород: Питер. 464 с.
- Ильин, Евгений П. 2007. *Эмоции и чувства*. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород: Питер. 784 с.
- Каган, Моисей С. 1974. *Человеческая деятельность: Опыт системного анализа*. Москва: Изд-во полит. литер. 328 с.

- Карзенкова, Елена П. 2005. Дискурс близких взаимоотношений (как он есть). В: *Проблемы социо- и психолингвистики: Динамика языковых ситуаций*. Вып. 7. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. С. 181–188.
- Карзенкова, Елена П. 2009. Дискурс близких взаимоотношений: вражда как стихия. В: *Проблемы социо- и психолингвистики*. Вып. 14. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. С.120–128.
- Карзенкова, Елена П. 2006. Дискурс близких взаимоотношений: любовь как стихия. В: *Проблемы социо- и психолингвистики*. Вып. 8. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. С.165–173.
- Карзенкова, Елена П. 2011. Коммуникативно-речевая категория «дружба». В: *Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология*. Вып. 2(14). Пермь: Изд-во Перм. ун-та. С. 89–94.
- Кожина, Маргарита Н. 1983. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями. В: *Структура лингвистики и её основные категории*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. С.15–24.
- Кожина, Маргарита Н. 2010. О некоторых основных вопросах речеведения. В: *Слово есть дело: Юбилейный сборник научн. тр. в честь проф. И.П. Лысенковой*. Санкт-Петербург, т.1. С. 151–155.
- Кубрякова, Елена С. 1994. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. В: *Вопросы языкознания*. № 4. С.3–15.
- Кубрякова, Елена С. 1995. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа). В: *Язык и наука конца XX века*. Москва: Российский государственный ун-т. С. 144–238.
- Лоренц, Конрад. 2008. Агрессия. В: *Психология чувств*. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород: Питер. С.406–430.
- Маслоу, Абрахам. 2008. *Мотивация и личность*. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород: Питер. 352 с.
- Мишланов, Валерий А; Салимовский, Владимир А. 2006. Дискурс враждебности как социальный феномен. В: *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. С. 56–66.
- Парыгин, Борис Д. 1999. *Анатомия общения*. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова. 331 с.
- Петровский, Артур В.; Ярошевский, Михаил Г. 2001. *Психология*. Москва: АСАДЕMiA. 502 с.
- Прадин, Морис. 2008. Чувства как регуляторы. В: *Психология эмоций*. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород: Питер. С. 167–175.
- Пушкин, Александр С. 2005. *Письма жене*. Москва: Захаров. 253 с.
- Рубинштейн, Сергей Л. 2006. *Основы общей психологии*. Москва; Санкт-Петербург; Нижн.Новгород: Питер. 720 с.
- Салимовский, Владимир А. 2003. Любовь в речевом выражении. В: *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов.

- Стернин, Иосиф А. 2000. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. В: *Русское и финское коммуникативное поведение*. Воронеж: Изд-во ВГТУ. С. 4–20.
- Стернин, Иосиф А. 2003. Толерантность и коммуникация. В: *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* / Под ред. Н.А. Купиной и Б.М. Хомякова. Екатеринбург. С.334-335.
- Стернин, Иосиф А.; Шилихина, Ксения М. 2001. *Коммуникативные аспекты толерантности*. Воронеж: Истоки. 136 с.
- Степанов, Юрий С. 2009. *В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. Москва: URSS. 336с.
- Спиноза, Бенедикт. 2008. О происхождении и природе аффектов. В: *Психология эмоций*. Москва; Санкт-Петербург; Нижний Новгород: Питер. С. 50–62.
- Фромм, Эрих. 1995. *Человеческая ситуация*. Москва: Смысл. 240 с.
- Юшкова, Наталия А. 2001. Концепт «ревность» в художественной картине мира Ф.М. Достоевского. В: *Житниковские чтения: Межкультурная коммуникация в когнитивном аспекте*. Челябинск. Стр. 198–199.
- Янгфельдт, Бенгт. 1991. *Любовь – это сердце всего: В.В.Маяковский и Л.Ю.Брик. Переписка 1915–1930 гг.* Москва. 270 с.